

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА ОБЩЕСТВА

О КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ В XV–XVIII ВВ.

*Барсуک Е. Е., УО МГПУ имени И. П. Шамякина,
Фролова И. В., ГУО «Средняя школа № 12 г. Мозыря»*

Образ прошлого зависит не только от сохранившихся сведений, но и от его значения, исторического контекста, значения, придаваемого ему потомками и значения, навязываемого отдельными людьми или социальными группами в собственных целях. Отдельные события и персонажи прошлого могли приобретать в массовом восприятии черты, сближающие их с героями и сверхъестественными персонажами. Истории многих народов и могущественных династий начинались с рассказов о богах и героях, воспринимавшихся в качестве первопредков и зачинателей всех будущих событий [1, с. 11–12]. Для XV–XVI вв. характерно фиксирование образов прошлого белорусов в традиционных формах: летописях, хрониках, религиозно-полюемической и мемуарной литературе. Для средневековой историографической традиции Европы идеальным образцом была Библия Вульгата. В отличие от европейских хроник древнерусское, затем белорусско-литовское летописание ставило своей задачей не только создание рассказа о прошлом и достоверной фиксации настоящего, но и выполняло функции религиозного, дидактического и прагматического характера. Летописи содержали краткий очерк основных событий библейской истории и ставили их в общий ряд событий местной истории. Большинство источников белорусского происхождения этого периода дошло до современников в виде летописных сводов и изборников. Основным источником символического прошлого белорусов в XV в. является первый общегосударственный летописный свод Великого Княжества Литовского 1446 г., в основу которого положен «Летописец Великих князей Литовских», вошедший во все белорусско-литовские летописи и хроники, послуживший также одним из основных источников хроник Яна Длугоша и Матея Стрыйковского. «Летописец» повествует о политической истории Великого Княжества Литовского от смерти Гедимина (1341 г.) до смерти Витовта (1430 г.). Он состоит из собственно «Летописца» и повести о Подолии (от битвы на р. Синяя Вода до 1399 г.). Наиболее подробный и связный сюжет описывает заговор Ольгерда и Кейстута против Евнута. Белорусско-литовская летопись 1446 г. также содержит несколько списков: Никифоровский, Супрасльский, Слуцкий, Академический, Виленский. В состав каждого списка входят различные части. Так, Супрасльский список включает в себя «летописания» до 1427 г., «Похвалу Витовту», некоторые смоленские сведения и о княжении Свидригайлы, и его борьбе с Сигизмундом Кейстutowичем, Киево-Печерский патерик [2, с. 29–36]. Специфика образов прошлого белорусов в XV в. определялась преимуществом древнерусского государства и необходимостью обоснования закономерности объединения восточнославянских земель в составе ВКЛ.

В XVI в. на белорусских землях сложились новые культурно-исторические условия, обусловленные европейским влиянием эпохи Ренессанса, Реформацией и Контрреформацией, а также созданием Речи Посполитой. Аристократия ВКЛ и духовенство не только католическое, но и православное, получавшее образование в университетах Европы, ассоциировали себя с европейской элитой [2, с. 49]. Белорусско-литовское летописание именно в XVI в. приобрело самобытный характер и особенный стиль изложения. Ядром Второго летописного свода, созданного в 20-е гг. XVI в. является «Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского», появление которой было обусловлено необходимостью исторического обоснования права Великого Княжества Литовского на белорусские и украинские земли и доказательство знатного происхождения княжеской династии. Ее создание вписывается в общеевропейскую тенденцию XVI в. – создание мифических национальных генеалогий, связанных с древним происхождением народа. Ко второму летописному своду причисляют списки Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевский, Румянцевский, Евреиновский [2, с. 38–46]. Самым полным общегосударственным летописным сводом считается Хроника Быховца (III Летописный свод), освещавшая историю Великого Княжества Литовского до начала XVI в. Значительная ее часть представляет собой компиляцию Хроники ВКЛ, Галицко-Волынской летописи и Летописца великих князей литовских. Оригинальная часть состоит из отдельных документальных записей и исторических повествований о родовете и деятельности великих князей, об истории магнатских родов Гаштольдов, Слуцких и др. [2, с. 47–53].

Значительное влияние на формирование символического прошлого белорусов в эпоху Возрождения оказывала античная культура. Нашли широкое распространение книги античных авторов в переводах с комментариями (Цицерон, Вергилий и др.), в средних и высших учебных заведениях изучались латынь и греческий язык, античная философия, история, литература. Мыслители и общественные деятели ВКЛ адаптировали социально-философские идеи Античности к государственным и религиозно-идеологическим потребностям. Воздействие наследия Античности на гуманизацию философской и общественной мысли выражалось в возрастающем внимании к эстетической стороне символического образа прошлого [3, с. 49]. Как летописцы и хронисты стремились отечественную историю и ее героев вписать в контекст библейской и европейской истории, так и поэты-новолатинисты использовали образно-символическую систему Античности в своем творчестве. В поэме «Прусская война» Яна Вислицкого, посвященной Грюнвальдской битве, ее герои становятся теми самыми образами-символами Отечества. Так, Ягайло ставится выше героев Древнего Рима, великий князь Жигимонт (Сигизмунд) I Старый назван непобедимым королем Сарматской Европы. Произведение Н. Гусовского «Песня пра зубра» также выделяется реалистичными образами сцен охоты и поведения раненого зубра как символов жизни и смерти, войны и мира, человека и Родины, личности и истории. Это поэтический рассказ о природе и занятиях, обычаях и быте, мировоззрении белорусов [4, с. 348]. Кроме новолатинской поэзии, в XVI в. возникает жанр рыцарского эпоса, основателем которого считается Андрей Римша – «Десятилетняя повесть о военных делах пана Криштофа Радзивилла», посвященное событиям 1572–1582 гг. в ВКЛ. Главный герой – Криштоф Радзивилл – Перун и Литовский Ахиллес – заслуживает славу полководца [4, с. 453]. Формирование нового образа прошлого обеспечивало элите ВКЛ консолидацию вокруг идеи европейского выбора, оформившейся в идеологию «сарматизма».

Преимницей средневековой традиции и одновременно носителем идей Реформации и Контрреформации была религиозная полемика первой половины XVII в., обусловив дискуссии о роли и месте католицизма, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к Брестской церковной унии. В основе репрезентации образа прошлого белорусов была конфессиональная принадлежность автора, которая и определяла его позицию. Аргументация православных полемистов основывалась на исконности византийской и древнерусской традиции, обращаясь к образам Андрея Первозванного, княгини Ольги, киевского князя Владимира Святославовича. Для противоположного лагеря полемистов (католиков и униатов) большее значение имели культурные достижения Европы, основанные на знании латыни как языка дипломатии, права и образования, а также авторитет Апостольской столицы мира как защитника христианских ценностей.

Во второй половине XVI в. возникает новая форма репрезентации прошлого – историко-мемуарная литература, которая получает наибольшее распространение в XVII – XVIII вв. Авторы рассказывали о повседневной жизни и быте, передавали настроения и суждения, конкретно-историческое восприятие их современниками событий и явлений. Мемуары выделялись жанровым разнообразием: дневники-воспоминания, воспоминания-романы, воспоминания-автобиографии, воспоминания-генеалогии [4, с. 749–832].

Таким образом, можно говорить об эволюции форм исторической памяти белорусов в XV–XVIII вв. от средневековой библейской традиции к рациональному осмыслению действительности и их преемственности.

Исследование проводилось в рамках НИР «Историческое знание и формирование исторической памяти белорусов в XV – начале XX вв.» по договору № ГБФ 2306 (ГПНИ).

Список использованных источников

1. Репина, Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – 2-е изд. – М. : Дрофа, 2006. – 288 с.
2. Семянчук, А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А. А. Семянчук. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 161 с.
3. Ахрыменка, П. П. Старажытная беларуская літаратура / П. П. Ахрыменка, М. Р. Ларчанка. – Мінск : Вышш. школа, 1968. – 172 с.
4. Анталогія даўняй беларускай літаратуры XI – першай паловы XVIII стагоддзя / НАН Беларусі ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 1015 с.